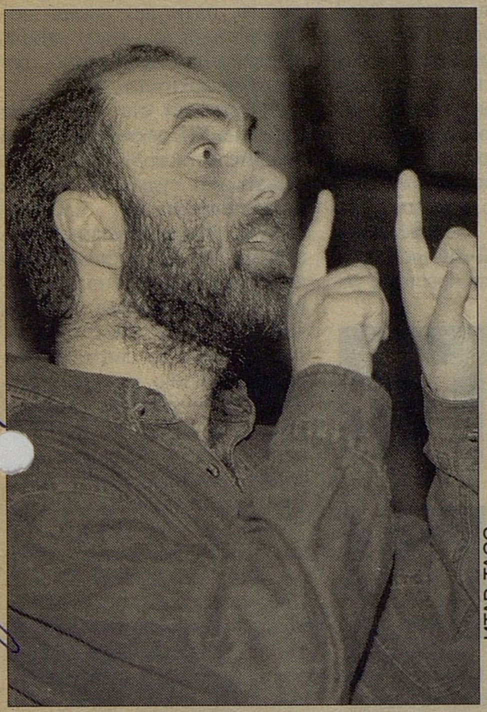
ДВИЖЕНИЕ ИЗ ВЕТХОГО В НОВЫЙ ЗАВЕТ

Владимир Мирзоев — о спектакле «Лир»



ИТАР-ТАСС

— Можно ли попытаться определить тему вашего «Лира»? Вы исследуете беспомощность добродетели перед бесстыдством? Тщету надежды на справедливый суд небес? Или физиологию власти и освобождения от нее?

— Библейский принцип воздаяния (око за око) работает в пьесе очень жестко — даже на уровне реализованной метафоры (я имею в виду ослепление Глостера). Но экзистенциальное путешествие, которое совершают Лир и его двойники (Глостер, Эдгар, Кент, Шут), есть движение из Ветхого в Новый завет... Абсолютная власть для нас равнозначна абсолютной несвободе. Лир у нас примеряет шутовской колпак сознательно — это его путь к себе.

— Второй акт мощно показывает безумие короля. Какой сдвиг мира не сумел вынести Лир?

— Одно дело — изменить волевым усилием сценарий собственной жизни и другое — прожить этот новый сюжет... Сколько юношей уходили на войну добровольцами, сколько людей отправились за океан в поисках иной участи! Хорошо ли они понимали, что их ждет? Сомневаюсь.

— Гонерилья и Регана Юлии Рутберг и Марины Есипенко кажутся сегодняшними персонажами. Важно ли это для спектакля?

— Нам с художником Аллой Коженковой хотелось снять дистанцию времени, потому что мы имеем дело не с историческим сюжетом, а с архетипом, который воспроизводит себя в любом поколении.

— Как была придумана именно такая чета Вестников?

— Это, по сути, Хор — мостик от нашего спектакля к античной трагедии. Вообще-то интонация нашей работы скорее драматическая, но этот рудимент показался мне не лишним.

— Что означает для вас сотрудничество с Максимом Сухановым? Вы прошли путь от Хлестакова к Лиру... Можно ли сейчас сказать, чем он продолжится?

— Пока мы с Максимом планируем кое-что в кино и на ТВ. В театре же наши новые проекты еще не определились... Что означает для меня это сотрудничество?.. Понимаете, Суханов не просто талантливый актер — он невероятного масштаба личность. С ним можно выстроить репертуар целого театра, где он будет играть десятки самых разных ролей. Но человеческих сил на это, конечно, не хватит. Работа с таким актером никогда не становится рутиной — это всегда эстетическое, интеллектуальное приключение.

— Каковы ваши планы художественного руководителя Театра Станиславского? Когда состоится премьера спектакля «Семеро святых из деревни Брюхо» по Людмиле Улицкой?

— «Семеро святых...» — это не инсценировка прозы. Это оригинальный, еще не опубликованный текст. Пьеса о русской деревне, 20-е годы. Но главная коллизия, как это часто бывает у Людмилы Улицкой, — таинственный поединок человека духовного и человека пещерного. Еще я собираюсь поставить забытую пьесу Алексея Арбузова «В этом милом старом доме». В ней в основном будут заняты молодые актеры, которых я пригласил в театр этим летом... И, наконец, талантливейший молодой режиссер Павел Сафонов будет ставить у нас «Доходное место» Островского. Вполне случайно, а может, и не случайно, получился русский сезон.

— Продолжится ли ваше сотрудничество с Театром Вахтангова?

— Да. Есть идея поставить «Сон в летнюю ночь». Но спектакль, вероятно, появится в следующем сезоне.

ПРЕМЬЕРА

В ТЕРНОВНИКЕ СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР СВИСТИТ

В. Шекспир «Лир». Постановка Владимира Мирзоева. Театр Вахтангова

Резиновая маска из магазинчика ужасов глухо перекрывает лицо Максима Суханова. Кожистые складки морщин подчеркнуты белым. Черный плащ подбит ватной броней... Лир, король Британии, в первом акте явно слеп.

Не человек — черный, разлапистый, дряхлый, одержимый старческим тремором иероглиф власти — на ощупь движется к трону. Он похож на статую готического надгробия. И на Бэтмена тоже.

Свита играет короля в полную силу. Величественным и капризным, полудетским жестом очерчивает на румяном яблоке ту часть королевства, которую ныне получит каждая дочь.

И хор придворных политологов озабоченно перешептывается:

— Север... Север... Север! Запад... Запад... Запад!

Он оставляет власть, спокойно (и нарочито) выведя из жестокой дворцовой игры стриженую ежиком бесприданницу Корделию (Ольга Ломоносова) с замашками ясноглазого школьника.

Но чем свободнее походка, хохот и пластика вольного предводителя сотни странствующих рыцарей, тем темнее мглистый воздух, тем плотнее населен фантомами мир окрест.

Безрассудное благородство и беспечный отказ «твердой руки» от долга быть твердой что-то сдвинули в жестком устройстве мироздания.

Отдав другим «реальные» знаки власти, старый король-рыцарь тем самым лишил силы законы, худо-бедно царившие в Британии. Вроде бы, по старым понятиям, неотменимые законы прямого слова, крепкого кулака, твердого меча, верной службы, милосердия, почитания отцов, честного суда и воздаяния всем по мере содеянного.

Не подкрепленные войском, волей, казной и правом королевского суда, эти «вечные ценности» оказались беспомощны и наги. Точно как сам Лир, выгнанный в бурю за ворота.

...Кто сказал и чем подтвердил, что мир стоит на этих заповедях?

Зримых доказательств тому нет никаких. Королевство Лира упразднено. В герцогствах Гонерильи и Реганы дозволено все, чего можно добиться ледяной наглостью или блефом. Возможно все, что не может быть пресечено более сильным хищником. Любые слова сотрясают воздух с равным правом и равно нулевым эффектом. Никого нельзя убедить — можно лишь принудить и переиграть.

...Отчего, собственно, и мутится рассудок Лира во втором акте.

— *Найми мне, дяденька, учителя. Я хочу научиться врать,* — ноет в ухо королю широкоплечий и краснолицый Шут в «бурдовом» галстуке лопатой. Шут твердо стоит на земле и верен здравому смыслу. Но Лир не брал уроков вранья. Его схватка с Гонерильей и Реганой — поединок бессилья и бесчестья.

Актерское трио, скрежещущий репликами, хлещущий жестами, язвящий хохотом турнир Суханова, Рутберг и Есипенко — самый яркий знак нового спектакля. За их схваткой — второй, третий и пятый планы. Анфилада смыслов, возведенная режиссером и художником «Лира».

«Порок так заметен, а добродетель всегда тускла... Что же все это за ужасы?!» — стонал русский философ. В «Лире» Мирзоева зло фактурно, четко, декоративно (и отлично костюмировано Аллой Коженковой).

Острая, хищная пластика Гонерильи — Рутберг, ее ледяная насмешливая ненависть к мягкосердечному мужу, ее лихое драйверское «Упс!» при известии о внезапном вдовстве Реганы, меняющем стратегические планы обеих сестер, ее декадентский гламур и карнавальный цинизм, который Гонерилья демонстрирует умело и с удовольствием, как скандальный наряд на подиуме, подчеркнуты задушевно-ядовитым, ласково-внушительным, слегка начальственным и как-то порайкомовски лицемерным цинизмом сестры. (Только пальцы рук, которые Марина Есипенко бескостным, змеиным образом выворачивает за спиной, под уютной шалью, выдают накал ярости Реганы.)

Старческий тремор Лира сменяется в битве с ними простодушной дрожью гнева. Но перед зыбкой двойственностью и ледяным расчетом, перед ласково-бесстыдным убеждением: «*Не все порок, что кажется пороком безумцу и брюзге*», перед ласковой софистикой и ловкими, как у уличных наперсточников, передергиваниями сути происходящего — благородный отец в благородном гневе вполне бессилен.

Когда он взывает к суду и каре Небес, то кажется бессильным вдвойне.

Бог весть почему, это освежает сознание зрителя. Наполняет не столько хрестоматийным состраданием к Лиру, сколько зоркой злостью.

Спектакль сложен, многозначен, органичен и очень красив. Предыдущая работа Владимира Мирзоева и Максима Суханова на вахтанговской сцене — их «Сирано», меченный «Золотой маской»-2002 за лучшую мужскую роль, был почти «моноспектаклем», энергетическим ударом игры Суханова — Сирано.

«Лир» — совсем иной. Здесь на равных правах и в равной силе — игра Короля и двух старших дочерей. Здесь все держится ансамблем, мелочами, деталями. Важна единственная реплика седого, унылого, усталого Рыцаря из свиты Лира: «Обедать... Обедать!». (Рыцарь с достоинством поправляет воротник старого пыльника-макинтоша — и явно понимает, что при новом блестящем царствовании M-me Гонерильи не будет ни почитания седин, ни горячего.)

Лир, король Британии, — Максим Суханов. Гонерилья — Юлия Рутберг. Регана — Марина Есипенко. Шут — Виктор Сухоруков. Сценография и костюмы Аллы Коженковой.

Важны скользкий и точный фейс-контроль юного, но многоопытного лизоблюда, дворецкого Освальда (Алексей Завьялов), и его небрежное «Вы это — мне?», снисходительно брошенное «отцу герцогини», утратившему влияние.

Важны любезно-барственный цинизм герцога Альбанского и то, как пугливо, женственно замирая при каждом шаге, Регана покинет сцену, оставляя раненого мужа-сообщника умирать. Вся логика их партнерства, все законы «нового мира» вели к тому. Каждый из погибших в этом спектакле — заложник своей внутренней природы.

Добродетель гибнет от прямодушия. Но и порок, не знающий закона над собою, пожирает себя и себе подобных.

«Играют» костюмы и реквизит, складки плащей и кринолины, переходы цветов: бурого, зеленого, блекло-голубого, лиловатого, черного, золотого (Алла Коженкова как художник «Лира» стала очень значимым соавтором режиссера). Льняные, обманчиво скромные, скрывающие движения и мысли покрывала Реганы и асимметричные вороненые кирасы корсетов Гонерильи продолжают и подчеркивают пластику обеих актрис.

Все времена — от готики до «модных тенденций осени 2003-го» — смешаны в реквизите. Смешаны в точной пропорции, расширяющей пространство темы.

Сценический мир второго акта словно вышел из воспаленного мозга Лира, из мощного сознания, которое корчится на черте горя, гнева и прямого безумия. Пролетают демоны и шуршат сорные травы шекспировского текста. Дыбом, стеной встает глинистая, исхлестанная бурей, покрытая скудными стеблями земля. В терновнике северный ветер свистит — и изгнанный Эдгар, оклеветанный сын графа Глостера (Юрий Чурсин), корчится в черных кожаных лохмотьях безумного бродяжки Тома у ног ослепленного отца. Перед финалом в руках Эдгара блеснут и заскрежещут два серо-стальных меча, похожие на крест и на небесную молнию, карающую предательство.

Но это рыцарское прямое возмездие «в стиле Вальтер Скотта» — лишь фрагмент открытого финала... Финала как такового нет. «Моралитэ» конечно же отсутствует. Истерзанная душа спектакля впадает в спасительный сон.

В полумгле горит живой огонь. Мерцают пустотелые граненые стеклянные шары. В остром колпаке и с шумящими крыльями стального цвета меж живых скользит Самаэль, ангел смерти, с резким и писклявым голосом. Окутанные белыми, полупрозрачными, шуршащими коконами дождевиков, «люди Лира» под ударами бури похожи на многоголовый призрак. Этот хор бормочет снова и снова горькую и юродивую песенку-лейтмотив:

...Не мели языком.
...Не нуждайся ни в ком.
...Двадцать на двадцати
Сможешь приобрести.

Зритель уходит, исхлестанный северным ветром и мокрым терновником.

Михаил ГУТЕРМАН